

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Буркова Елена Ивановна,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-7798-1455,
E-mail: lenchen007@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2020, принята к публикации 29.01.2021

Для цитирования: Буркова Е. И. Религиозная идентичность как фактор политического развития России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 91-113. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-91-113

Аннотация

Статья посвящена вопросам влияния этнорелигиозной идентичности на политический процесс, политические институты, своеобразие политического развития современной модернизирующейся России. Основная цель работы – установить характер взаимосвязи факторов религиозного выбора и выбора пути общественного развития. Для этого решается ряд задач, в частности – уяснить, как религиозная идентичность граждан связана с их политическими взглядами, позициями, активностью. Сквозь призму классических и неклассических теорий рассмотрены проблемы изменения характера религиозности, роли религиозных институтов, ценностей и идей в рамках модернизации и при переходе к Постмодерну, религиозного измерения политического развития, развития как религиозной и политической ценности.

В связи с раскрытием основных сюжетов приходится затронуть вопросы эволюции взаимоотношений институтов церкви, национального государства и гражданского общества в мире позднего модерна, на примере России, с особым вниманием к вкладу Церкви, ее приходов, политических активистов и идеологов в рост гражданского политического активизма и гражданского участия, низовой демократии, самоуправления, и, в целом, перспектив демократического процесса.

© Буркова Е.И., 2021

Дополнительно ставится вопрос о нынешней модели церковно-государственных отношений в России, в связи с чем уделяется особое внимание концепту гражданской религии Р. Беллы.

Впервые осуществляется компаративный анализ результатов исследований религиозной идентичности (включая характер религиозности в сопоставлении с политическими, культурными, ценностными предпочтениями) в России, других странах православной культуры, а также в бывших социалистических странах, выполненных американским институтом PEW, с итогами многолетней работы Р. Инглхарта, полагающего характер религиозной культуры в качестве ключевого индикатора развития (Диаграмма культурных ценностей Инглхарта-Верцеля). С данными иностранных социологов сопоставляются соответствующие разработки авторитетных российских ученых. В заключении сделаны новые концептуальные выводы о религиозной идентичности как ресурсе, критерии национального политического развития в современном глобализирующемся обществе; практические выводы о политическом потенциале религиозной политики, о возможностях церковных институтов противостоять тоталитарным тенденциям в целях безопасного политического развития России в XXI веке.

Ключевые слова:

религиозная идентичность, церковно-государственные отношения, политическое развитие, теории политического развития, (пост)материальные ценности, теория модернизации.

UDC 321

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-91-113

RELIGIOUS IDENTITY AS A FACTOR OF POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Elena I. Burkova,

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations,
Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Candidate of Political Sciences,
Moscow Russia,
ORCID: 0000-0002-7798-1455,
E-mail: lenchen007@rambler.ru

Article received on December 30, 2020, accepted on January 29, 2021

To cite this article: Burkova, E.I. (2021). Religioznaya identichnost' kak faktor politicheskogo razvitiya Rossii [Religious identity as a factor of political development of Russia]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 91-113. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-91-113

Abstract

The article focuses the influence of ethno-religious identity on the political process, political institutions, and choice of the model of political development of contemporary modernizing Russia. To find interdependence between religious choice and the choice of the way of development is the main purpose of it. To realize, how religious identity and values of citizens are connected with their political views, positions and activities is one of the tasks under consideration. Problems of religious dimension of political development, and – development as a religious and political value, the role of religious institutions, types of religious culture and religious ideas, – are being examined within the framework of Modern/Postmodern society, classical and postclassical theories of development.

Relations between church, national state, civil society in late modern Russia are highlighted with special attention to the role of the Church, its parishes, activists and thinkers in a democracy process, decentralization, political activism and public participation. Additionally the questions of the model of church-state relations in Russia are raised; the concept of civil religion of R.N. Bellah is examined.

It is for the first time, when comparative study of the results of the pools on religious identity of citizens of Russia, other Orthodox and also post-Soviet countries of American PEW Institute and the analogous pools of R.F. Inglehart team is made. The results of Russian pools are considered here too. To summarize, there are important conceptual conclusions about: the religious identity as recourse and a criteria of national development in a modern globalizing world, the political potential of religious politics and policies, of church political activism, opportunities of its institutes to confront or weaken totalitarian tendencies for the secure development of Russia in the 21st century.

Keywords:

religious identity, the relations between the church and the state, political development, theories of political development, (post)material values, theory of modernization.

Позитивистская общественно-политическая мысль XIX века постулирует: по мере развития цивилизации роль религии в общественной жизни будет снижаться. Однако события последних 30 лет как будто опровергли этот тезис. «Исламская революция» в Иране, «теология освобождения» в Латинской Америке, «библейский пояс» в США, натиск религиозных партий в Израиле, – эти и другие явления, относящиеся к религиозной жизни людей, имели самые далеко идущие политические последствия. А в это время в России, и во всех бывших социалистических странах, идеология коммунизма лишилась государственной поддержки, и люди обратились к своим религиозным корням.

Сегодня власти России часто прибегают к религиозной фразеологии, демонстрируют уважение к религиозным традициям. Звучит призыв включить понятие «Бог» в основной закон страны, тем более, оно уже присутствует в новом тексте гимна. Абсолютное большинство жителей России исповедует православие, и, как может показаться, наши руководители уже готовы искать ответы на вопросы «кто мы», «куда мы идем», в русской богословской мысли.

В первой половине 90-ых гг. в стране формируется так называемый «православный консенсус»: в условиях идейного кризиса и раскола общества почти все граждане, вне зависимости от образования, возраста, национальности, взглядов, относились к вере, православию, церкви однозначно позитивно. Сегодня никого не удивляет религиозная фразеология в устах политика: консерваторы-«патриоты» обличают «богохульную» оппозицию («несть бо власть аще не от Бога», потому «Бога бойтесь, царя чтите»!)¹, среди которой социалистов и либертарианцев все меньше, а верующих – все больше.

Теория модернизации учит, что все страны мира идут одним путем к общей модели развития, в мир Постмодерна. А Постмодерн – это «время танцора», реконструктора и имитатора, в нем все – нравственность, мораль, ценности, идеалы – подделка, игра, не всерьез. Есть ли духовное возрождение сегодня в России? Что такое «духовные скрепы», заменившие нам, в отсутствие серьезной альтернативы, национальную идею и программу развития? Чего они требуют от общества, политической сферы и активных граждан, в том числе православных? Как влияет религиозность россиян на развитие страны? Ответим на эти вопросы, рассмотрев религиозную идентичность России с учетом происходящих в ней трансформаций в контексте новейших политических идей.

Переход цивилизации на новый этап развития и изменение природы религиозности

Современное национальное государство (nation state) существует с XVII века. Первой исторической формой его бытия был абсолютизм европейских империй, власть которых «утвердилась на универсальной миссии Церкви» (Эйкен, 1907, с. 170). Сегодня этот политический институт в глубочайшем кризисе. Притом растет роль религиозного фактора. В «обществе потребления» растущая техносфера поощряет человека к организации своего внутреннего пространства как фундамента для коммуникации с глобализирующимся миром. Где культурные эталоны, символы и смыслы вступили между собой в острую конкуренцию. В сознании граждан, в умах политиков, в проектах развития.

Глобализация в ее нынешней версии, сопровождаемая эмансипацией техносферы, трансформирует человеческие качества, делает людей орудием экономического и политического производства, повсеместно провоцируя рост тоталитарных тенденций политического развития. Понятие о развитии также меняется². Классическая теория развития, в знакомой нам форме модернизации, гласит: мир – объект познания и освоения, людям надо взять его под контроль, вооружившись разумом, создать, взамен естественной, искусственную среду. А она сформирует постчеловека, с новыми качествами и свойствами.

В конце XX в., на смену классической, приходит неклассическая теория развития, которая постулирует: законы природы и общества не познаны нами в мере, позволяющей осуществлять их контроль. На место управления прихо-

¹ Рим 13:1; 1 Пет 2:17.

² Развитие есть движение общества во времени в форме самоорганизации индивидуального и коллективного опыта поколений в их непрерывном взаимодействии.

дит регулирование. Состояние социума здесь всегда переходно. Модернизация переосмысливается как постоянное осовременивание, движение навстречу инновациям. Неклассические теории дают свое решение проблемы человека. Он – уже не потребитель, живущий лишь материальным, иные ценности – свободы, самовыражения, творчества, участия в жизни других людей – задают ему смыслы и цели. «Демократия участия», активизм «снизу», децентрализация и рост местного самоуправления – политические тенденции неклассического этапа уводят нас от общества всеобщего контроля. В общественном развитии это – следование необщему пути, опора на местные ценности, эндогенные формы политической и хозяйственной жизни. Какая, классическая или неклассическая, версия развития восторжествует здесь и сейчас, зависит, в том числе, от долгосрочных стратегий развития данной страны. Россия в этом смысле уже более 25 лет плывет в неизвестность без руля и без ветрил.

Впрочем, хотим мы этого или нет, мы, вместе со всей планетой, вступаем в новый мир, в «общество знания». Коренные изменения происходят в религиозной сфере. Религия перестает быть источником норм морали. Внешним ограничителем поведения человека. Не в ней теперь черпают ценности и идеи. Внешняя, обрядовая, религиозность падает с ростом уровня и качества жизни людей – прежде люди искали в вере утешение от бед, обретали ресурс для преодоления трудностей. В мире сытости и комфорта, современного развития медицины, высокой продолжительности, предсказуемости жизни, ее безопасности, религия как «опиум» народа, когда-то помогавшая переносить страдания, не нужна. Объяснительная, идеологическая функция ее также отпала. Многие догматы и ритуалы остались в прошлом.

Неверно сказать: религиозность отмирает, это справедливо в отношении институционализированной, организованной формы религиозной жизни. Люди перестали «прибегать к услугам» религиозных организаций. Теперь они верят, что называется, «в душе». Поддерживают идею. Но не институт. В вопросах веры, как во многом другом в наш век, мы перестаем повиноваться лидерам и институтам. Но религия, как и прежде, придает жизни человека осмысленность. В мире Постмодерна религиозный выбор позволяет человеку совершить акт самовыражения, стимулирует саморазвитие, и из рутины скучных ритуалов религиозная жизнь превращается в акт творчества (Inglehard, 2020). А еще остаются процессы социальной коммуникации, и здесь религия играет все возрастающую во времени медиативную роль! (Климов, 2012).

Начиная свои религиозоведческие изыскания, Р. Инглхарт полагал, что модернизация и секуляризация взаимодополняют друг друга. Последующий анализ показал, что в этом был смысл, если понимать последнюю в русле демографического перехода, гендерных трансформаций. Но индустриализация завершается, заканчивается и секуляризация. На смену старой религиозности приходит новая. В ней нет нетерпимости, страха быть «не как все», упования на внешний авторитет, а есть толерантность, уважение к выбору других, свобода самовыражения и творчества, внутреннее желание человека, наблюдающего моральные нормы не из страха. Мораль – во мне, на скрижалях моего сердца: самые развитые секуляризованные страны имеют минимум насилия, преступлений против личности. Прежняя религиозность меняется поиском форм духовной жизни, радостями выбора, самоидентификации (Инглхарт, 2020).

В новом мире радикально меняется статус религиозного института. Религиозная монополия, опора на государственную поддержку – в прошлом, приходит время религиозного плюрализма. Церковь и государство относятся друг ко другу как чужой к чужому, что есть критерий не секуляризации только, но и перехода в Постмодерн. Церкви развитых стран ведут себя в рамках этого процесса по-разному. Еще М. Вебер считал, что модернизация и протестантизм взаимодополняют друг друга. Православию в этом отказано, в нем видят консервативную, не приспособленную к переменам, силу, отвергающую плюрализм и признающую лишь монопольное существование, господство на данной территории. Вряд ли с этим можно согласиться. Скорее всего, рецепция новых веяний политики и культуры институтами христианской церкви зависит от того, какого качества верующие ее наполняют, как они сознают себя.

Некогда, еще до начала работы над темой религиозной идентичности, Р. Инглхарт изучал уровни мотивации, мобилизованности людей на борьбу с экологическим кризисом. Именно тогда он выделил две группы граждан – с материалистическими и постматериальными ценностями в основе личностной иерархии. Постмодерн формирует постматериальные ценности – таковые свободы, справедливости, братства и уверенности в своем будущем; предпосылкой к ним является субъективное ощущение экзистенциальной безопасности и высокое качество жизни. Надстройка над материалистическими ценностями, базовыми жизненными потребностями, целями, постматериальные ценности явно коррелируют с новой религиозностью, материалистические же точно описывают религиозность традиционного типа (страх перед будущим и др.). Человек Модерна все еще нацелен на собственное выживание, человек эры Постмодерна – на развитие, и, развиваясь сам, он не мешает делать это другим. Критерием постматериальности для Р. Инглхарта выступил положительный ответ на вопрос: «готовы ли вы пожертвовать ростом своего материального благополучия и достатка ради будущего, если это нужно для охраны окружающей среды и сохранения возможности будущим поколениям удовлетворять свои базовые потребности в доступном вам объеме». В итоге Р. Инглхарт получил полное несовпадение уровня доходов, богатства страны с распространением постматериальных ценностей. Для последних важнее фактор политической и социально-экономической стабильности, безопасного развития, в смысле – без катастроф, возраст опрошенных (моложе – постматериальнее). Россия показала сверхнизкий уровень постматериальности, хотя опросы имели место около 1991 года, когда многие катаклизмы у наших соотечественников были еще впереди. На первом месте опроса была Германия, на втором – Южная Корея, а вот Япония, США – в середине таблицы (Abramson, Inglehart, 1995).

Позднейшие работы, подтвердившие ранее обнаруженное, легли в основу Диаграммы Инглхарта-Верцеля. По ходу изысканий Р. Инглхарт допустил, что постматериальность, помимо проактивности, отказа признавать внешний авторитет и т. д., предполагает секулярность и индивидуализм. Итоги опросов этого не подтвердили, особенно в части секулярности. На Диаграмме находим стоящих рядом богатых, постматериальных и религиозных Канаду и США, и бедных, религиозных Мексику и Колумбию с самым высоким уровнем коллективизма и постматериальности! Россиян Р. Инглхарт нашел рациональными, пассивными, индивидуалистами, консьюмеристами, секулярными, людьми без

духовных интересов. Эти черты наиболее выражены у лиц с материалистической структурой потребностей. Россия по уровню постматериальности – в самом конце списка, рядом с ней – бедные, но религиозные Йемен, Палестина и Тунис. Из индивидуалистических и секулярных стран Россия соседствует лишь с другими республиками бывшего СССР и Китаем (Инглхарт, 2011).

Многие католические (постматериальность явно выше уровня доходов) и православные (наоборот, ниже) страны настолько портили автору его картину, что он ввел в модель новую переменную – конфессиональный фактор – и получил знаменитую Диаграмму, наглядно демонстрирующую: у постматериальности мало связи с богатством страны, а вот с исповедуемой религией связь точно есть. Но из общего ряда все же выбивались православные страны, пережившие опыт интенсивного социалистического строительства, последние попали в соседство с конфуцианскими странами с опытом строительства социализма. Оставшиеся православные страны имеют средний уровень постматериальности, будучи на Диаграмме в окружении католических стран Европы, среди которых находим и государства бывшего Варшавского договора (Инглхарт, 2011).

А вдруг западные ученые ошиблись! Так что такое Россия: православная страна духовности, соборности и жертвенности, держащая «свой» путь на нашей Земле, или консьюмеристская, атомизированная, индивидуалистическая держава, которой дорога больше ни с кем, как только с индустриально-капиталистическим Западом? Какие они, верующие России? Активные, не ждущие милостей от власти и людей, но смиряющиеся перед Высшим Судьей, бунтари и инноваторы, или послушные, «забитые», движимые страхом поклонники иерархии и порядка? Они – за институты или за Смыслы? Та ли это «закваска», те ли пассионарии, которые через испытания сохранили для России православную культуру? Или – управляемые, контролируемые люди, верующие так, как «разрешается» верить, духовно живущие так, как это «принято»?

Парадоксы идентичности и религиозных предпочтений россиян

Православное население мира растет: за последнее столетие увеличившись более чем вдвое, составляет 260 миллионов человек. Но несмотря на рост этого показателя в абсолютных числах, доля православных жителей планеты, в целом, и среди христианского населения, в частности, постоянно снижается. Сегодня только 12% христиан в мире являются православными. Сто лет назад этот показатель был равен 20%. Тогда же православные христиане составляли 7% населения мира, на начало XXI века эта цифра равнялась 4%. Это несмотря на то, что в конце XX века в семью православных народов вернулись жители постсоветского лагеря. Подавляющее большинство православных мира, более 100 миллионов человек, проживает на территории бывшего СССР (Orthodox Christianity ..., 2017).

Анализируя российские источники, посвященные религиозной идентичности россиян, обратим внимание на три фактора³. Во-первых, свою веру рос-

³ Религиозная идентичность – форма индивидуального и коллективного самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной религиозной культуре, формирующей представления о себе и мире.

сияне трактуют именно как идентичность, единственно возможную и верную. Православность для многих – способ самоидентификации, декларация своего патриотизма и «любви к Родине», а отнюдь не реальное исповедание веры, и никак не характеризует духовный мир. Для русских и многих других соседей-славян Русская православная церковь (РПЦ) остается сакральным символом «русскости», «русской духовности» и, главное, – «русского единства». Ведь православие, ортодоксия – это всемирность («католикос»!), вселенскость, глобальность! С другой стороны, православие оказалось стихийным оплотом тех, кто идейно противостоит либерально-рыночным отношениям и ценностям. Значимость этого явления особенно возросла после интронизации нынешнего патриарха в 2008 году, когда православие окончательно утвердилось как мировоззрение патриотов-националистов, радикальных консерваторов. Православную религию общественное мнение ассоциирует с сильной центральной властью, имперской внешней политикой, особой православной духовностью, антирыночным пафосом. Наконец, практически всеми признано, что нынешняя Россия – расколотое общество. Почти единственное, что его объединяет – православие.

Эволюция религиозности на постсоветском пространстве представляет собой постоянное колебание между выбором двух культур: либо православная религиозность, либо культура западного образца. Причем по поводу первого, а не второго пути и его понимания есть существенные расхождения. Крайний традиционализм православия и полная зависимость от самодержавного, затем авторитарного государства, жесткость, формализм идеологического контроля, которые некогда толкнули немало мыслящих русских людей в объятия модного атеизма, воспринимаются как естественные, как норма (Лункин, 2008).

Поддержка россиянами «идеологически правильного» православия сочетается с низкой практической религиозностью, приблизительными религиозными представлениями, отсутствием знаний о догматах, вероучении, о культуре православия, истории Церкви. Хаос, эклектичность религиозного сознания, иллюзии в понимании религиозной жизни, невежество соседствуют с подмеченным еще классическим русским религиоведом Е.Е. Голубинским оккультным, обрядово-магическим характером понимания православной веры, ее обрядов, двоеверием, ценностным политеизмом. В 2019 году лишь 86% декларирующих свое православие россиян прошли обряд крещения, причем трое из четырех крестились в младенческом возрасте, а из взрослых 39% крестились, будучи неверующими, по каким-то иным соображениям (Верим ли мы в Бога, 2010). Оказалось, что наши соотечественники не в курсе значения крещения, «нужно креститься, чтобы считаться христианином», думают лишь 75% россиян. А ведь информация о главном таинстве, объединяющем христиан, воспринятая даже около- и псевдохристианскими сектами, – на расстоянии одного клика в Интернете (ВЦИОМ назвал долю считающих себя православными россиян, 2019; *Orthodox Christianity ...*, 2017). Путаница в сознании российских респондентов привела к тому, что ряд опросов показал большее число православных, чем верующих (Фурман, Каарияйнен, 2000, 2006). Приблизительные данные по адептам православия вполне устраивают церковные и светские власти, представители которых много лет повторяют цифру в 80% православных граждан в нашей стране. В реальности, эти данные очень разнятся, и зависят не только от опросных листов, но и от того, кто, когда и как проводил опрос.

Ни о мусульманах, ни об инославных, ни об атеистах этого сказать нельзя. В последнее время самый высокий уровень «православности» дало исследование авторитетного американского религиоведческого центра PEW. Он проводил опросы в 2015–2017 гг. Согласно его результатам, 71 % россиян (но не 80%!) исповедуют православие (в 1991 г. таких было 37 %, а в 1993 году – 46 %), и при этом 75 % населения России верят в Бога. Верующих в Бога оказалось больше, в размерах статистической погрешности, чем православных. Но мусульман насчитали 10 %. А ведь всего верующих 75 %! Что-то опять не сходится! (Orthodox Christianity ..., 2017). В августе 2019 года ВЦИОМ назвал более взвешенную цифру: 65 % россиян считают себя православными; не считают себя верующими – 21 %, примерно столько, сколько у американцев (Фаустова, 2019).

Более раннее российское исследование 2012 года сообщало, что считают себя принадлежащими к РПЦ (заметим: не «к православию»!) 41 % россиян. Предположим: существуют «расцерковленные» православные и православные «широкого профиля», но авторы специально просили указать, не являются ли опрашиваемые «христианами, не принадлежащими к РПЦ и любым иным конфессиям». К таковым себя отнесли 4 %. Это не дотягивает ни до 70 %, ни до 60 %. Опрос также выделил категорию «верующие в Бога без принадлежности к деноминации», и это – 25 %. Прибавим к ним 41 % православных, плюс 4 % и получаем 70 % (Религия для поколения Z ..., 2012)⁴.

Впрочем, происходящее лишь отражает противоречия внутри социальной страты православных верующих. Чтобы лучше в этом разобраться, социологи выделили подкатегорию относительно индоктринированных верующих и поделили их, условно, на воцерковленных и воцерковляющихся. Группа «воцерковленные» состоит из тех, кто: идентифицируют себя как верующих; верят в Личного Бога; считают себя православными и регулярно молятся и посещают храм. Участие в Таинствах как критерий обычно не рассматривается. И все равно в нее входит лишь 12 %. Это россияне, ставшие верующими в основном довольно продолжительное время назад. 44 % из них – мужчины. В группе имеют высшее, неоконченное высшее образование (самая образованная среди всех типологических групп) и невысокие доходы, в большинстве своем это – пожилые люди (старше 50 лет). Во второй группе, составляющей около 37 %, наоборот, заметна молодая возрастная категория, при этом людей с высшим образованием здесь намного меньше. Эксперты отмечают у воцерковляющихся часто нерелигиозную мотивацию, так как те увязывают свой выбор с семейными, родственными и, опять же, национальными традициями. Исследования показали, что количество представителей первой группы и, в меньшей степени, второй очень стабильно. Остальные опрошенные православные в этих исследованиях, около 50 %, были совершенно не воцерковлены (Чеснокова, 2005; Синелина, 2013). Еще одно исследование, более близкое нам по времени, ис-

⁴ Для сравнения: согласно переписи населения 1937 года, 57 % граждан СССР заявили, что являются верующими. При этом 20 % опрошенных ОТКАЗАЛИСЬ отвечать на этот вопрос. По данным демографов и согласно мемуарной литературе, чаще всего это были представители разного рода религиозных меньшинств (старообрядцы, баптисты, иеговисты), крайне боявшиеся репрессий. Если прибавить 20 % к 57 %, мы получаем 77 %, столько же, сколько и сейчас. (Жиромская, 2000).

пользовало похожие критерии выделения соответствующих групп, и насчитало воцерковленных 6 % (в 2014 году), 7 % (в 2015-м), в 2016 году их оказалось 8 %, а в 2017 году – 7%. Наконец, в 2018 году численность воцерковленных упала до 6%. Воцерковляющимися себя объявили в эти же годы, с 2014-го по 2018-й, соответственно, 19%, 22%, 18%, 20%, 18% (Кублицкая, Назаров, 2019). И это сопоставимо с ситуацией начала 90-х гг.

Принадлежность к православной церкви предполагает участие в церковных Таинствах (прежде всего в Причастии)⁵. Декларирующие себя православными практически никогда не причащаются. Статистика здесь не меняется. В 1992 году никогда не причащалось 57% православных, в 2000 году – 63%, в 2004 году их снова уже 54%, в 2011 году – около 40% («Церковные люди» ..., 2012; Религия для поколения Z ..., 2012). Сопоставим эти данные с аналогичными в категории воцерковленных, выясняем, что, как «положено» в православии, причащались чаще раза в месяц в 1992 году – 1%, в 2000 году – снова 1%, в 2004 году уже – 2%, и в 2011 году, когда у власти был уже новый патриарх и политика властей в части допуска к причастию изменилась, – снова 2% (Синелина, 2013). Другими словами, «воцерковленные» православные – категория, которую правильнее было бы назвать, поставив оба слова в кавычки.

Только в самые большие христианские праздники воцерковленные, воцерковляющиеся, те, кто не ходят в Храм, те, кто никогда или почти никогда в жизни не причащались, собираются вместе. Сколько кого приходит – можно только гадать. На Пасхе в 2018 году в Москве было 4,4 млн. человек, тогда же на Рождестве – 2,5 млн. (Рождественские богослужения посетили ..., 2018). В 2020 году на Рождество в столице пришло 2,3 млн. (Около 2,3 млн. человек приняли участие ..., 2020). Но эти цифры вряд ли о чем говорят. Разве что о том, что программа «200 храмов» имеет в Москве определенный успех: в городе на один храм приходится 16000 верующих. И это не рекорд: в Новосибирской области на один Храм приходится 25 тыс. человек. Считается, что на душу населения в России приходится в 10 раз меньше священников, чем в США (В РПЦ сравнили количество храмов ..., 2019). Все православные должны причащаться минимум один раз в год, в Великий Четверг. Если все православные вдруг воцеркуются, то вечером в последнюю среду перед Пасхой все эти тысячи должны будут успеть исповедаться 1–2-м священникам из местного прихода.

Внешний, «обрядовый», характер веры подтверждают перечисляемые россиянами применяемые ими духовные практики: 27% опрошенных хотя бы раз в жизни окунались в рождественскую купель (к 2019 году), 59% россиян ходили за святой водой, столько же праздновали Пасху хотя бы символически – куличи, яйца, застолье (Каждый десятый ..., 2020).

Даже по «благообразному» по картине опросу центра PEW 41% православных России никогда не постился, 70% – не причащались, и только 6% православных регулярно ходят в храм (в Эфиопии, например, это делают

⁵ Согласно 80 правилу VI Вселенского собора (680–681 гг.) отсутствие прихожанина в церкви без уважительных причин на протяжении трех недель автоматически означает «отлучение от общения» с Церковью, с приходом. По древней традиции посещение воскресной службы подразумевает причащение, в России оно возможно только после исповеди.

78 %) (Orthodox Christianity ..., 2017). Показателен пример с чтением Писания. Согласно американцам, более-менее регулярно «читают Библию» 14 %, хотя знакомы с Евангелиями 35 %. В 1989 году хоть раз читавших Священное Писание у нас было 38 %! (Верим ли мы в Бога, 2010). Увидев в опросных листах, в частности, треть положительных ответов православных на вопрос «Веруете ли Вы в бессмертие души», американские социологи решили окончательно разобраться в загадках сознания россиян, расставив все точки над «i» вопросом «точно ли Вы уверены, что Бог есть?». И получили 25 % ответов «да» (а причащается 30 %!) (Orthodox Christianity ..., 2017).

Неприятной неожиданностью для неискушенного человека может стать моральный облик верующих, просматриваемый в сухих цифрах опросов. Р. Инглхарт писал: «поскольку религия сейчас не является главным источником морали, то рост или падение религиозности не означает, что в стране возрастет или пойдет на убыль моральная статистика или криминогенная обстановка. Высокая преступность и коррупция типичны в развивающихся странах, там, где не завершена модернизация, где преобладает традиционная религиозность. В странах постмодерна, с новым типом религиозности, насилие, преступления против личности, коррупция самые низкие». Выясняя, что первично – религия или поведение – Р. Инглхарт с цифрами в руках убеждает нас: первичен социально-экономический, политический фактор, а вот религиозные убеждения следуют за ним, вынужденные приспособляться к окружающей реальности (Inglehard, 2020). Россия рассматривается американским ученым как модернизирующаяся страна, ей характерны длительные неблагоприятные условия жизни, культура мобилизационного типа с низкой ценностью человеческой жизни, и все же – лишь 6 % наших граждан смогли соблюсти не менее 7 заповедей. 32 % опрошенных, меньше трети, отметили, что никогда не нарушали заповедь «не убий». Последнее связано с условиями опроса: аборт, (включая принуждение к аборту), приравнивались в тексте вопроса анкеты к нарушению заповеди об убийстве (Религия для поколения Z ..., 2012).

Сопоставив православных русских в России и таких же русских, проживающих на Западе, замечаем, что, в частности, в США, где православных около 0,5 % от общего населения страны, они являются в основном представителями среднего класса. Не маргиналы, как это нередко видим у нас, а успешные люди. Кстати, их уровень религиозности (среди православных в мире) уступает только уровню в Эфиопии. Более половины – 52 % взрослых православных христиан США – свидетельствуют, что религия для них «очень важна», 1/3 систематически посещают церковь. Вообще, сопоставляя религиозность, уровень развития и, особенно, постматериальность, обнаруживаем прямые корреляции для ряда православных стран. Самая постматериальная православная страна – Греция. Хорошие среднеевропейские показатели – у расположенных поблизости в Диаграмме Словакии, Кипра, Македонии и Эфиопии. Черногория, Эстония, Грузия приближаются к ним. Чуть дальше – Сербия. Россия и другие славянские республики бывшего СССР находятся в дальнем углу Диаграммы.

У всех православных сложно выделить какую-то одну общую черту их религиозности. Православные Запада, не пережившие опыта социализма, или пережившие, но в «ослабленной» форме «народной демократии», показывают преобладание внутренней, содержательной духовной жизни над ее внешней

демонстрацией и обрядовой стороной. Так, носят крестики 72 % русских, но только 40 % сербов, имеют дома иконы 87 % русских, 90 % грузин и целых 97 % молдаван, но только 70 % эфиопов. Зато 87 % эфиопов, 77 % боснийцев, около 70 % греков и 64 % сербов постятся и причащаются. Наши верующие опережают всех их в другой сфере – около 60 % жителей бывшего СССР верят в «сглаз и порчу» (Orthodox Christianity ..., 2017).

Россияне в основном номинально религиозны, у них нет религиозного поведения. В вопросах веры они предельно материалистичны, индивидуалистичны. Членами конкретных христианских общин является лишь десяток процентов верующих граждан (Чеснокова, 2005). В Европе, в условиях медленного спада старой религиозности, мы часто наблюдаем «веру и принадлежность», но «без поведения»: «Верую в душе, принадлежу Церкви, но не хожу в Храм», или «хожу, но не часто». В России есть «принадлежность», но нет «поведения», и на практике нет веры. На Западе человек религиозности старого типа может проявлять внешнюю религиозность, быть приверженцем института, внутренне не испытывая ничего. В России нет ни внешней религиозности, ни причастности к институту. Соблюдение религиозных предписаний (ежедневная молитва и еженедельное посещение церкви), типичное для традиционной религиозности, так же очень низко. «Принадлежность» уходит в прошлое. Православная самоидентификация, «привязанная» к РПЦ, после 2010 года снижается, будто бы приближая нас к постмодернистской картине веры. Тенденция новой религиозности вроде бы набирает обороты. Но где «новые верующие» России?

Пассивность православных, незначительное число индоктринированных заметны даже обывателю. Каждый из нас не раз встречал в 90-ые и нулевые годы блуждающих по улицам наших городов иеговистов. Но почему их и других сектантов так много? Эксперты указывают: по социально-демографическим характеристикам российский протестант – это молодой человек от 18 до 35 лет, со средним специальным образованием (не высшим), с доходами от 40 до 60 тысяч рублей, то есть со средними доходами по стране (для жителей провинции это, скорее, средневысокий доход). Преобладают служащие, клерки, менеджеры. Больше всего протестантов проживает в России в небольших городах с населением от 100 до 250 тысяч человек. Протестант – типичный представитель «среднего класса», активный гражданин, доброволец, если семейный, то – многодетный родитель, житель мегаполиса или райцентра, где часто есть один православный храм-«монополист» (Филатов, Лункин, 2003; Лункин, 2018). Православные воцерковленные в большинстве своем – инвалиды, старики, пенсионеры с низкими и очень низкими доходами. По политической позиции – пассивны и склонны подчиняться внешним авторитетам, в целом, типичные традиционно религиозные. Конечно, не все здесь линейно: 39 %, в основном невоцерковленных православных, поддерживают «Единую Россию», воцерковленные же заявили о своем полном политическом нейтралитете, а еще о том, что их идеалом является отсутствие прямого взаимодействия церкви и государства («Церковь должна быть отделена от государства» – 48 %. Но она, увы, «сильно зависит от государства» – 30 %, «зависит, но не сильно» – еще 25 %.) (За кого будут голосовать верующие, 2011).

Существенное число – 23 % – представителей нетрадиционных для РФ христианских конфессий (неопротестанты) отмечают, что РПЦ сегодня ока-

зывает неоправданно сильное влияние на власть. В активной политической роли РПЦ 34% православных видят больше плюсов, 13% – больше минусов. Православные (формально – христиане) при этом, в целом, не готовы смело заявлять «о своем уповании»: 73% респондентов православного, как они декларируют, вероисповедания не поддерживают ношение в государственных школах одежды и предметов, демонстрирующих религиозную принадлежность. На вопрос, является ли для вас необходимым наличие в банках финансовых продуктов (услуг), предоставляемых в соответствии с требованиями вашей религии, 88% россиян ответили отрицательно (Церковь стала социальным институтом ..., 2013). Только треть православных респондентов указали, что поддержали бы на выборах партию, созданную по признаку принадлежности к религии, если она была бы официально зарегистрирована в России (За кого будут голосовать верующие, 2011). Вдобавок, только 4% усмотрели в православии источник духовно-нравственных ценностей, лишь 17% считают, что православие – основа нашей культуры (Лункин, 2018, 2020; Синелина, 2013; За кого будут голосовать верующие, 2011). Россияне, доверяя в своем большинстве РПЦ (68%), не считают ее адептов и духовенство кандидатурами, которые должны иметь свое представительство в политических институтах страны (За кого будут голосовать верующие, 2011), «процент доверяющих Церкви как институту значительно больше невысокой доли тех, кто считает, что для решения проблем, стоящих перед страной, необходимо усиление политического влияния Церкви» (Мчедлова, 2017, с. 120).

Религиозная идентичность, выбор пути политического развития и церковно-государственные отношения в России

Итак, православные России, как правило, – не носители собственно религиозной культуры, с которой не знакомы и знакомиться не собираются. Кроме того, нет внятной картины преобладания старых или новых верующих в нашей стране. Количество воцерковленных, индоктринированных и даже воцерковляющихся православных не меняется за последние 25–30 лет. Опросы не дают однозначной картины, позволяющей увидеть всю проблему, но находят одну главную «болеву точку» – отношения государства и церкви.

Обратимся к истории. Существуют две главные исторические модели церковно-государственных отношений, названные русским ученым П. Сретенским (1878) папизмом (папоцезаризмом), имевшим место на Западе в Средние века, и цезарепапизмом, воплотившимся на христианском Востоке. В основе моделей – монархический подход, идея империи. Папизм образовался в ходе исторического противостояния императорской власти и папства. Папы, взяв на вооружение «идею империи», переработав ее «под себя», стали церковными монархами. Тогда западная церковь играла, так сказать, «прогрессивную роль», сохраняла единство страны, укрепляя себя, крупнейший жизнеспособный институт, сплачивающий будущую нацию для создания nation state. А в это время на Востоке цезарепапизм уже превратил верховную государственную власть в центр религиозного культа и восстановил языческое всемогущество государства. Византийское государство с эпохи Константина начало встраивать церковные институты в свою властную вертикаль.

Правда, есть еще концепция церковно-государственных отношений, получившая название «симфония властей» (терминологически берет начало от Шестой новеллы императора Юстиниана). Под симфонией подразумевается такой союз церкви и государства, в основе которого лежит не борьба между ними, а консенсус, согласие сторон, они взаимодействуют как партнеры, не сливаясь, как «взаимоулавливающие» друг друга силы. Одни утверждают, что симфония никогда не существовала в реальной жизни, другие – что она воплотилась в России. Возможное объяснение – в России не было языческого государства, и самого язычества в политически значимых формах, государство, раз возникнув, ассоциировалось с христианством. Вероятно, отношения менялись. Скажем, во времена царя Алексея Михайловича усилился папистский тренд. С началом правления царя Петра I, превратившего церковь в государственное учреждение, управляемое светским лицом, Россия стала на путь цезарепапизма. Вскоре в ней сложилась глубокая идейная, интеллектуальная зависимость от западных образцов богословской мысли. Развитие православного богословия почти прекратилось. Духовная жизнь вступила в полосу острого затяжного кризиса, духовность ассоциировалась с монашеством, жизнь думающих мирян – с псевдохристианской спиритуальностью, морализмом и фатализмом, а простому люду оставалась формальная, «казенная», обрядность.

В Советской России церковь формально была отделена от государства. По идее, это должно было вести к возникновению множества «равноудаленных» от государства религиозных течений, с которыми власти имели бы дело на одинаковых основаниях. Но власти здесь, опять же, пошли по проторенной дорожке политики царизма синодального периода. Они сделали ставку на подконтрольную им группу «церковников от православия», на обновленческий раскол. А верующие остались верны наследникам патриарха Тихона. Русская церковь оказалась в положении старообрядцев в Российской империи, то есть вне закона, и продолжала быть в целом неподконтрольной государству до начала Отечественной войны. В 1943 году РПЦ легализовали⁶, и начался этап медленного поглощения ее государством, встраивания в систему государственного управления.

В советские годы власти было важно держать РПЦ вне самостоятельной политики. После распада СССР многие инициативы, которые исходили от священников или от групп активистов, часто пресекались или ставились под жесткий контроль местных архиереев вплоть до середины 2000-х гг. В это время в народе на фоне постсоветского идеологического вакуума происходил рост интереса к любым новым духовным течениям, рост миссионерского, социального влияния разных религиозных направлений. С середины 2000-х гг. РПЦ становится центром «русского мира». Вершиной этого процесса стал Акт 2007 года о каноническом общении между российской и зарубежной РПЦ, подписанный главами национальных церквей.

С приходом к власти патриарха Кирилла произошло оживление социальной и приходской работы. По мере развития патриарших инициатив в социальной,

⁶ В момент учреждения патриаршества в СССР (1943 г.) в ней находилось на свободе всего 3 епископа, ровно столько, чтобы церковь была признана существующей со стороны «международной общественности».

культурной, образовательной областях оказалось, что сил прихода для решения любых задач, кроме чисто богослужебных, недостаточно. Во время епархиальных собраний духовенства г. Москвы и встреч с архиереями РПЦ патриарх Кирилл все чаще стал говорить об активизации общинной жизни православных, которая в СССР была вне закона, потому что означала гражданскую самоорганизацию снизу. Увы, это не привело к росту православного гражданского активизма, появлению большого числа новых верующих. РПЦ, вместо того, чтобы развиваться как институт гражданского общества, не без влияния властей, встала на путь прямого административно-командного регулирования отношений со своей внутренней и внешней окружающей средой. Произошел переход властей к прямому контролю за религиозной жизнью в стране, к пристальному вниманию к неправославным конфессиям, часть из которых были признаны экстремистскими и потому запрещены. Понятие «традиционная религия» поддержал и патриарх Кирилл, часто обосновывая в своих выступлениях опасность религиозных меньшинств для духовной жизни и государственной безопасности⁷.

Социальная концепция РПЦ предписывает повиноваться властям, но не абсолютизировать власть, обожествляя ее. И государство не должно вмешиваться в жизнь церкви, но – опираться на нравственные нормы. При этом понятие светскости государства трактуется не жестко, а, напротив, довольно широко. Идеальной формой правления провозглашается симфония церкви и государства. Отвергается форма существования РПЦ в Синодальный период. Но подвергается критике принцип отделения церкви от государства как наследие эпохи Просвещения и Французской революции (а ведь это черта симфонии – отделенность институтов друг от друга!). То есть церковные власти не рады, что церковь отделена от государства, хотелось бы обратного (Лункин, 2018; Лункин, 2020). Но почему же тогда власти РПЦ как будто поддерживают цезарепапизм?

Сегодня модель церковно-государственных отношений в России не принято называть симфонией. В моде – концепция гражданской религии. Автором этой концепции является американец Роберт Белла. Гражданская религия, которую Белла описывал на примере США, есть неконфессиональное религиозное измерение (*religious dimension*) публичной жизни, являющееся сущностным выражением нации и объединяющее всех членов общества, независимо от их вероисповедания и конфессиональной принадлежности. В основе гражданской религии лежат специфические символы и ритуалы, оформляющие идею особого избранничества, богоизбранности данной (американской) нации и служащие укреплению национальной солидарности, имеющей надмирный характер. Отличительной чертой гражданской религии является связь с государственной властью. Характерные особенности гражданской религии можно проследить в античности. В Древнем Риме императоры являлись главными жрецами в государственном культе и были объектом всеобщего поклонения. В Америке центром нации является Президент. В любой его речи обязательно говорится

---

⁷ Любопытно, но религиозно индифферентное православное население настроено негативно по отношению к новым религиям – 55 % россиян считают, что нельзя позволять нетрадиционным для страны деноминациям покупать (строить) для религиозных целей здания; 60 % – проповедовать в общественных местах; 66 % – распространять свои издания; 62 % – открывать религиозные школы (Фурман, Каарияйнен, 2006).

о Боге, и Его любви к Америке. При этом понимание Бога в этих речах близко пониманию Бога в Ветхом Завете. Это – не Бог, который есть Любовь. Бог гражданской религии, по словам Беллы, бог в античном понимании, имеет отношение к порядку, закону и праву, а не к спасению и любви (Белла, 1972; Bellah, 1974).

Российские аналитики увидели в этой экзотической форме цезарепапизма перспективы для России (верховенство «традиционных» религий, с православием в центре, которое есть государствообразующая религия и единая сила, православная духовность, часть антизападного антидемократического мировоззрения). Их не смутила глубокая укорененность отцов-основателей США в языческой масонской идеологии, нравственности и верованиях, уходящей истоками в гностицизм иудаизма.

У этой культуры есть плюсы. Она не задевает личных религиозных взглядов и выступает прекрасным элементом национальной консолидации, так как есть в чистом виде культ государства, в центре которого находится идея избранности нации. Град, так сказать, Божий (Церковь), здесь заменяет Град земной (государственная власть). Вопросы личных религиозных верований, поклонений и ассоциаций остаются частным делом, при этом всем предлагается разделить определенные общие элементы религии. «Наше управление не имеет никакого смысла, если оно не основано на глубоком чувстве религиозной веры, но мне все равно, какая именно это вера», – говорил Д. Эйзенхауэр (Легойда, 2016)⁸. Такая концепция позволяет вписать православие <...> в демократию и рынок. Гражданская религия утверждает, что Бог существует, его воля может быть выявлена, реализована через процедуры демократии.

Результаты Исследовательского центра PEW и Р. Инглхарта в целом совпадают. Результаты PEW, скорректированные российскими социологами, дают почти ту же картину. Но прав ли Р. Инглхарт, считая, что православие – тормоз развития, поскольку не «пускает» общество в Постмодерн, к постматериализму, тогда как протестантизм – наоборот? То, что протестантизм дает образцы высококоразвитости, это неправда. И православные страны дают хорошие результаты уровня постматериальности, правда, все они не имели опыта социалистического строительства, или он был незначителен. Все страны, имеющие вышеозначенный опыт, дают низкий результат постматериальности ценностных установок⁹. Православие здесь ни при чем.

---

⁸ То, что это так и есть, можно не сомневаться, на это еще указал А. де Токвиль 200 лет назад: эта религия является основанием для американской демократии. Демократическая и республиканская, она есть беззаветная вера в демократию, республику и рынок (Токвиль, 2000).

⁹ Опрос, некогда проведенный Р. Инглхартом, по готовности жертвовать благосостоянием, показал: Западная Германия значительно опережала все остальные страны мира по постматериальности. Но когда результаты обеих Германий объединили (страна была уже единой), она оказалась далеко от ближайших соседей и других развитых стран, внизу рейтинга. Потому что результаты бывшей ГДР были НА УРОВНЕ СССР, самые низкие. Как будто немцы с Запада и Востока жили в двух разных мирах. То же самое – по Берлину. В итоге результаты решили дать отдельно. И сегодня Германия – не в числе лидеров постматериальности. Именно за счет Востока (Abramson, Inglehart, 1995).

Но способствует ли оно постмодернизации или препятствует ей, поощряет ли новые политики или нет? Возьмем конкретный пример с политическим участием на местном уровне. Партиципаторная (англ. *participation*, «участие») демократия, «демократия участия» – вовлечение «простых» людей в политический процесс, в распределение ресурсов и властных полномочий, противопоставляет демократии элит, является вызовом мажоритарной демократии. В России практики участия очень слабо развиты. Но не потому, что граждане не хотят ни в чем участвовать. Статистика говорит: на демократические институты управления уповают 58% православных, на «иное» (монархия?) – 18% (За кого будут голосовать верующие, 2011). Для повышения уровня политического участия нужно развивать гражданское общество, необходимы специальные усилия государства по созданию соответствующих институтов, поддержка неправительственных организаций, которые этим занимаются (Глушенкова, 2010, 2016). То же самое относится и к носителю этой культуры – человеку эпохи Постмодерна, человеку участия. Он живет нематериальными ценностями, социально активен, небезразличен к себе и к жизням других, имеет нравственные ориентиры, в которые по-настоящему верит, стремится к инновациям, может заражать своим примером. И он религиозен, но для него религия – дело интимное, а не публичное, не отправление обрядов перед видеокамерами. Скорее всего, это будет российский... протестант.

Но кому же организовать атомизированное гражданское общество «на местах», если не приходской общине, ведь она объединяет людей, как-никак, одних взглядов и ценностей, проживающих в районе, скажем, большого города, где никто друг друга не знает? Не раз высказывалась идея, что гражданское общество в России, как из кирпичиков, может состоять из совокупности православных общин, ведущих социально-культурную работу, привлекающих прихожан-добровольцев и молодежь, вовлеченную в масштабную социальную работу (Лункин, 2018). А если не нравится православие – выбери то, что тебе интересно и устраивает. Правда, для этого, помимо православия, свою точку зрения должны иметь право высказать и иные конфессии (Лункин, 2018). Здоровая конкуренция, возможность выбора своей формы религиозной самоидентификации – явление, естественное в наши дни. Что такое «право на идентичность»? Это – право на свободный выбор, как говорится, «где Дух Господень, там – свобода»¹⁰, а не решение, подсказанное извне. Такая идентичность, подлинная, как результат свободной воли – действительно, ресурс развития. Власти России, впрочем, им не пользуются.

Увы, сама внутренняя организация РПЦ не дает шансов для какого-либо участия или локальной самоорганизации. Таковы особенности приходского устава, который мы имеем после заседания Священного Синода 10 октября 2009 года, когда без церковного обсуждения и рецепции была принята новая редакция устава прихода РПЦ – УП РПЦ. Согласно ему, при Храме нет общины, а есть «орган управления». Прихожане, верующие, собственно, исключены *de jure* из прихода. По УП 1917 года, высшим органом управления приходом было Собрание с самыми широкими полномочиями (не подчинялось епископу!). По УП 1988 и 1998 гг., к Собранию добавлялся настоятель. Сегодня глава при-

¹⁰Кор. 3:17.

хода – епархиальный архиерей. В УП РПЦ с 2009 г. нет понятия прихожанина. Власть принадлежит церковной администрации. Раньше прихожан было можно сосчитать. Сейчас это невозможно (Лункин, 2018). Какое может быть участие в самоуправлении, если в самом приходе его нет...

Церковная политика российских властей и корреспондирующаяся с ней политика властей церковных выдавливает с политической арены проактивных граждан и молодежь, делает ставку на законопослушных, дисциплинированных, контролируемых. Мы видим, что за нулевые и последующие годы в РПЦ выстроена властная вертикаль, подобная государственной, под строгий контроль взяты финансовые потоки. Кстати, в религиозной православной Америке все члены общин платят в свой приход церковную десятину, держа своего священника и храм. Но за свои деньги они сами и управляют своим приходом. В России же приход заинтересован в серьезных спонсорах, чтобы и епископу отчислить, и себе хоть что-то осталось. Получается, во главе угла не вера, а деньги?

***

Целый ряд ярких умов России рубежа тысячелетий утверждали: Россия – идеациональная (термин П. Сорокина) страна, в ней в основе развития лежат идеи, прежде всего религиозные, каковые его прямо задают¹¹. Россия сегодня испытывает острый дефицит новых идей. Но РПЦ пока, увы, не может предложить никакой социально значимой объединяющей идеи, которая сможет корректировать развитие. Все предлагаемое – схемы и политика эпохи Модерна – «из репертуара» католиков и протестантов. Еще В.Л. Цымбурский отмечал: цивилизационный крен в сторону слияния с западной цивилизацией начался с Петром, но до 1917 года страна была еще на «своих рельсах» развития, пойдя затем путем аномального модернизационного рывка с полной аннигиляцией традиций (Цымбурский, 2007). Традиционная культура русских действительно хорошо корреспондируется с Постмодерном и его духовностью, но эта культура не имеет в России достаточно носителей, вместо этого люди увязли в пережитках советской гражданской религии.

Чем может РПЦ помочь сегодняшнему государству? Это – неправильный вопрос. А правильный – чем власти могут помочь РПЦ, чтобы она сохранилась не как институт, «штампующий» потребителя «православного товара» – икон и свечек – а как институт, который вернет нас к подлинно русской традиции и культуре. Увы, пока «духовные скрепы» выглядят как политико-религиозные ценности Модерна, облаченные в одежды православной фразеологии.

Список литературы

1. Белла, Р. (1972). *Социология религии. Американская социология. Проблемы, перспективы, методы* (с. 265–281). М.: Прогресс.
2. В РПЦ сравнили количество храмов в США и России. (2019, 28 мая). *РИА Новости*. Взято 25 декабря 2020, с <https://ria.ru/20190528/1555043707.html>

---

¹¹В первую очередь – А.С. Панарин (Панарин, 2014).

3. Верим ли мы в Бога. (2010, 30 мая). ВЦИОМ. *Новости*. Взято 25 декабря 2020 г., с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga>
4. ВЦИОМ назвал долю считающих себя православными россиян. (2019, 14 августа). РБК. Взято 25 декабря 2020, с <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d540d5f9a794731f98c1661>
5. Глушенкова, Е.И. (2016). Национальные модели принятия политических решений и принятие экорешений в России. *Экологическая политика. Материалы круглых столов*. М.: Издательство Московского университета.
6. Глушенкова, Е.И. (2010). *Экополитология: краткий курс лекций*. М., МНЭПУ.
7. Жиромская, В.Б. (2000). Религиозность народа в 1937 году. *Исторический вестник*, 5(1).
8. За кого будут голосовать верующие. (2011, 7 ноября). *Православие и мир* [Социологическая служба «Среда» для сайта Православие и мир]. Взято 25 декабря 2020, с <https://www.pravmir.ru/za-kogo-budut-golosovat-veruyushhie/>
9. Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.
10. Каждый десятый из россиян готов к Великому посту. (2020, 3 марта). ВЦИОМ. *Новости*. Взято 25 декабря 2020, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kazhdyj-desyatyj-iz-rossijan-gotov-k-velikomu-postu>
11. Климов, А.Г. (2012). Методология анализа современных эффектов влияния религиозных организаций. *Вестник МГИМО (У)*, 6(27), 203–205.
12. Кублицкая, Е.А., Назаров, М.М. (2019). Динамика религиозности в современной России. *Вестник РАН*, 89(11).
13. Легойда, В. (2016). *Гражданская религия: pro et contra*. Взято 25 декабря 2020, с http://www.religare.ru/2_1555.html
14. Лункин, Р.Н. (2008). Проправославный консенсус в России: вера и неверие. *Современная Европа*, 1, 139–143.
15. Лункин, Р.Н. (2018). *Роль христианских церквей Европы в разрешении социально-политических кризисов*. М.: Институт Европы РАН.
16. Лункин, Р.Н. (2020). *Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество*. М.: Нестор-история.
17. Мчедлова, М.М. (2017). Религия и общество в России: векторы социальных изменений. *Религиозная ситуация на северо-западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции. Сборник трудов конференции*. СПб: Любавич.
18. Около 2,3 млн человек приняли участие в праздновании Рождества – МВД РФ. (2020, 7 января). ИА РЕГНУМ. Взято 25 декабря 2020, с <https://regnum.ru/news/society/2823853.html>
19. Панарин, А.С. (2014). *Православная цивилизация*. М.: Институт русской цивилизации.
20. Рождественские богослужения посетили более 2,5 млн россиян. (2018, 7 января). *Православие и мир*. Взято 25 декабря 2020, с <https://www.pravmir.ru/rozhdestvenskie-bogosluzheniya-posetili-bolee-2-5-mln-rossijan/>
21. Религия для поколения Z. Кто и как верит в России. (2012, 19 декабря).

Российская газета, 292. Взято 25 декабря 2020, с <http://sreda.org/2013/arena-atlas-religiy-i-natsionalnostey/16733>

22. Синелина, Ю.Ю. (2013, 13 сентября). Динамика религиозности россиян (1989–2012). В С.Д. Лебедев (Отв. ред.), *Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы Третьей Международной научной конференции* (с. 324–343). Белгород: Издательский Дом «Белгород».

23. Сретенский, П. (1878). *Критический анализ главнейших учений в отношении между церковью и государством*. М.: Университетская типография.

24. Токвиль, А. де. (2000). *Демократия в Америке*. М.: Весь Мир.

25. Фаустова, М. (2019, 5 марта). В России недосчитались верующих. В общинах уверены, что цифры соцопроса искажают картину отечественной религиозности. *Независимая газета*.

26. Филатов, С.Б., Лункин, Р.Н. (2003). *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания*. М.: Логос.

27. Фурман, Д.Е., Каарияйнен, К. (2000). *Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России*. СПб.: Летний сад.

28. Фурман, Д.Е., Каарияйнен, К. (2006). *Религиозность в России в 90-е годы XX – начала XXI века*. М.: ОГНИ ТД.

29. «Церковные люди»: 41%. Служба «Среда» пересчитала верующих в России. (2012, 19 декабря). *Некоммерческая Исследовательская Служба «Среда»*. Взято 25 декабря 2020, с <http://sreda.org/opros/arena-reliz>

30. Церковь стала социальным институтом, которому россияне доверяют больше всего. (2013, 9 апреля). *Ромир*. Взято 25 декабря 2020, с <https://romir.ru/studies/za-veru-carya-i-otechestvo>

31. Цымбурский, В.Л. (2007). *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М.: РОССПЭН.

32. Чеснокова, В.Ф. (2005). *Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX в.* М.: Акад. проект.

33. Эйкен, Г. (1907). *История и система средневекового мирозерцания*. СПб.: Типография М.И. Акинфиева.

34. Abramson, P.R., & Inglehart, R. (1995). *Value change in global perspective*. Ann Arbor.

35. Bellah, R.N. (1974). *Civil Religion in America. Religion American Style*. Harper & Row, NY.

36. Inglehard, R. (2020, September-October). Giving up on God. Religion's Sudden Decline in Developed Countries: What's Causing it, and What Comes Next. *Foreign Affairs*, 99(5).

37. Orthodox Christianity in the 21st Century. (2017). *Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/>

References

1. Abramson, P.R., & Inglehart, R. (1995). *Value change in global perspective*. Ann Arbor.

2. Bella, R. (1972). *Sociologiya religii* [Sociology of religion]. M.: Progress.
3. Bellah, R.N. (1974). *Civil Religion in America. Religion American Style*. Harper & Row, NY.
4. “Cerkovnye lyudi”: 41%. Sluzhba “Sreda” pereschitala veruyushhix v Rossii [“Church people”: 41%. “Sreda” service counted believers]. (2012, December 19). *Nekommercheskaya Issledovatel'skaya Sluzhba “Sreda”*. Retrieved December 25, 2020, from <http://sreda.org/opros/arena-reliz>
5. Cerkov' stala social'nym institutom, ktoromu rossiyanе doveryayut bol'she vsego [Church became social institution, that Russians trust the most]. (2013, April 9). *Romir*. Retrieved December 25, 2020, from <https://romir.ru/studies/za-veru-carya-i-otechestvo>
6. Chesnokova, V.F. (2005). *Tesny'm putem: process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX v.* [The narrow way. Christian Church Indoctrination of Russians in the end of XX cent.]. M.: Akad. proekt.
7. Cymburskij, V. L. (2007). *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie raboty'. 1993–2006* [Russia Island. Geopolitical & chronopolitical works. 1993–2006]. M.: ROSSPE'N.
8. E'jken, G. (1907). *Istoriya i sistema srednevekovogo mirosozerczaniya* [The history and system of the thought in Middle Ages]. SPb.: Tipografiya M.I. Akinfieva.
9. Faustova, M. (2019, March 5). V Rossii nedoschitalis' veruyushhix. V obshhinax uvereniy, chto cifry' soczoprosa iskazhayut kartinu otechestvennoj religioznosti [Russia lacks believes. Church is sure that the numbers of believes is a mistake]. *Nezavisimaya gazeta*.
10. Filatov, S.B., & Lunkin, R.N. (2003). *Sovremennaya religioznaya zhizn' Rossii. Opyt sistematicheskogo opisaniya* [Modern religious life of Russia: The experience of systematic research]. M.: Logos.
11. Furman, D.E., & Kaariajnen, K. (2000). *Stary'e cerkvi, novy'e veruyushhie: Religiya v massovom soznanii postsovetskoj Rossii* [Old churches, new adepts: Religion in Mass consciousness in Post Soviet Russia]. SPb.: Letnij sad.
12. Furman, D.E., & Kaariajnen K. (2006). *Religioznost' v Rossii v 90-e gody' XX – nachala XXI veka* [Religiousness in Russia in the 90s of the XX – early XXI century]. M.: OGNI TD.
13. Glushenkova, E.I. (2010). *Ekopolitologiya: kratkij kurs lekcij* [Ecopolitology: a short course of lectures]. M.: MNE'PU.
14. Glushenkova, E.I. (2016). Nacional'nye modeli prinyatiya politicheskikh reshenij i prinyatie e'koreshenij v Rossii [National models of policy-making and ecopolicy process in Russia]. *E'kologicheskaya politika. Materialy kruglyh stolov*. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
15. Inglehard, R. (2020, September-October). Giving up on God. Religion's Sudden Decline in Developed Countries: What's Causing it, and What Comes Next. *Foreign Affairs*, 99(5).
16. Ingkart, R., & Vel'cel', K., (2011). *Modernizaciya, kul'turny'e izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change & democracy. The dynamics of human development]. M.: Novoe izdatel'stvo.
17. Kazhdyj desyatyj iz rossiyan gotov k Velikomu postu [Every tenth Russian is ready for the Great Fast]. (2020, March 3). *VCIOM. Novosti*. Retrieved December 25,

2020, from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kazhdyj-desyatij-iz-rossiyan-gotov-k-velikomu-postu>

18. Klimov, A.G. (2012). Metodologiya analiza sovremenny'x e'ffektov vliyaniya religiozny'x organizacij [The Methodology of analysis of Modern effects of religious organizations' influence]. *Vestnik MGIMO (U)*, 6(27), 203–205.

19. Kubliczkaya, E.A., & Nazarov, M.M. (2019). Dinamika religioznosti v sovremennoj Rossii [The dynamics of religiousness in modern Russia]. *Vestnik RAN*, 89(11).

20. Legojda, V. (2016). *Grazhdanskaya religiya: pro et contra* [Civil religion: pro et contra]. Retrieved December 25, 2020, from http://www.religare.ru/2_1555.html

21. Lunkin, R.N. (2008). Propravoslavny'j konsensus v Rossii: vera i neverie. [Pro-orthodox consensus in Russia – The faith and its absence]. *Sovremennaya Evropa*, 1, 139–143.

22. Lunkin, R.N. (2018). *Rol' xristianskix cerkvej Evropy' v razreshenii social'no-politicheskix krizisov* [The role of Christian churches of Europe during socio-political crisis]. M.: Institut Evropy' RAN.

23. Lunkin, R.N. (2020). *Cerkvi v politike i politika v cerkvyax. Kak sovremennoe xristianstvo menyaet evropejskoe obshhestvo* [Church in politics and politics in Church. How modern Christianity changes European society]. M.: Nestor-istoriya.

24. Mchedlova, M.M. (2017). Religiya i obshhestvo v Rossii: vektory' social'ny'x izmenenij [Religion and Society in Russia: Vectors of Social Change]. In *Religioznaya situaciya na severo-zapade: tkan' tradicii i vektor konfessional'noj e'voljucii. Sbornik trudov konferencii*. SPb: Lyubavich.

25. Okolo 2,3 mln chelovek prinyali uchastie v prazdnovanii Rozhdestva – MVD RF [About 2.3 million people took part in the celebration of Christmas – The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. (2020, January 7). *IA REGNUM*. Retrieved December 25, 2020, from <https://regnum.ru/news/society/2823853.html>

26. Orthodox Christianity in the 21st Century. (2017). *Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/>

27. Panarin, A.S. (2014). *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. M., Institut russkoj civilizacii.

28. Religiya dlya pokoleniya Z. Kto i kak verit v Rossii [The religion of Z generation. Russia: who and how believes]. (2012, December 19). *Rossijskaya gazeta*, 292, Retrieved December 25, 2020, from <http://sreda.org/2013/arena-atlas-religiy-i-natsionalnostey/16733>

29. Rozhdestvenskie bogoslužheniya posetili bolee 2,5 mln rossiyan [Christmas Services were visited by 2,5 million Russians]. (2018, January 7). *Pravoslavie i mir*. Retrieved December 25, 2020, from <https://wwwpravmir.ru/rozhdestvenskie-bogoslužheniya-posetili-bolee-2-5-mln-rossiyan/>

30. Sinelina, Y.Y. (2013, September 13). Dinamika religioznosti rossiyan (1989–2012). In S.D. Lebedev (Ed.), *Sociologiya religii v obshhestve Pozdnego Moderna (pamyati Yu. Yu. Sinelinoj): materialy' Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (pp. 324–343). Belgorod: Izdatel'skij Dom “Belgorod”.

31. Sretenskij, P. (1878). *Kriticheskij analiz glavnejshix uchenij v otnoshenii mezhdru cerkov'yu i gosudarstvom* [Critical analysis of the mail theories of State-

Church relations]. M.: Universitetskaya tipografiya.

32. Tokvil', A. de. (2000). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. M.: Ves' Mir.

33. V RPC sravnili kolichestvo xramov v SShA i Rossii [The ROC compared the number of churches in the United States and Russia]. (2019, May 28). *RIA Novosti*. Retrieved December 25, 2020, from <https://ria.ru/20190528/1555043707.html>

34. VCIOM nazval dolyu schitayushhix sebya pravoslavny'mi rossiyan [VCIOM claims how many Orthodox Christians are in Russia]. (2019, August 14). *RBK*. Retrieved December 25, 2020, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d540d5f9a794731f98c1661>

35. Verim li my v Boga [Do we believe in God]. (2010, May 30). *VCIOM. Novosti*. Retrieved December 25, 2020, from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga>

36. Za kogo budut golosovat' veruyushhie [Who will the believers vote for]. (2011, November 7). *Pravoslavie i mir* [Sociological service "Sreda" for the site Pravoslavie i mir]. Retrieved December 25, 2020, from <https://www.pravmir.ru/za-kogo-budut-golosovat-veruyushhie/>

37. Zhiromskaya, V.B. (2000). Religioznost' naroda v 1937 godu. [Religious people in 1937]. *Istoricheskij vestnik*, 5(1).